

Смерть и Воскресение Василия Розанова.

(Доклад, прочитанный на конференции « Художник и власть»
г. Лодзь, Польша, 1994. Фрагмент был опубликован в журнале
« Родина», 1992)

Василий Васильевич Розанов не хотел, чтобы на его могиле произносились официальные речи. "Если кто будет говорить мне похвальное слово "над раскрытой могилой", то я вылезу из гроба и дам пощечину"... Но и того, что случилось, он наверное тоже не хотел: могилы просто не стало.

А ведь писал: "Могила ... знаете ли вы, что смысл ее победит целую цивилизацию..."

Т.е. вот равнина... поле... ничего нет, никого нет. И этот горбик земли, под которым зарыт человек..." Так вот и горбика земли не стало. Цивилизованный наш век смел все следы, не сохранил даже место, где похоронен один из самых замечательных русских писателей. Бердяев писал, что "литературный дар его был изумителен, самый большой дар в русской прозе, настоящая магия слова". У него была магия слова, а горбика земли над ним не сохранилось.

Советская власть сделала все, чтобы стереть писателя Розанова с лица земли. И надо сказать, что это ей удалось и удалось без особого труда. Его не пришлось ни расстреливать, ни травить, ни высылать - он сам умер от инсульта в голодную зиму 1919 года,

5 февраля, в Сергиевом посаде. Отпевали трое священников, в том числе Павел Флоренский. Похоронили в Черниговском скиту на окраине посада, рядом с могилой Константина Леонтьева, близкого ему по духу человека. А дальше все пошло своим чередом: кладбище уничтожили, скит превратили в груды красного кирпича, Флоренского замучили на Соловках – соц.реализм восторжествовал.

Мне кажется, что справиться с Розановым властям было особенно просто. Ибо, если уж Вас. Вас-ыч чем и не был, то он не был борцом. "Слабым я стал делаться с 7-8 лет – писал он о себе – Эта странная потеря воли над собою, над своими поступками, "выбором деятельности", "должности"...Я всегда шел в "отворенную дверь", и мне было все равно, "какая дверь отворилась". Никогда в жизни я не делал выбора, никогда в этом смысле не колебался. Это было странное безволие и странная безучастность"

Он производил впечатление человека, который постоянно меняет взгляды, противоречит себе, приспособливается.....но при этом никогда не изменяет себе, всегда остается самим собой и в главном никогда не меняется. Бердяев, преклонявшийся перед Розановым, писал, что его (Бердяева) стихией был сухой огонь, стихией Розанова была вода. Вода – всюду проникающая, все растворяющая, дающая жизнь всему живому. Вот уж кто наверняка не умел отличать поражение от победы, и как впоследствии завещал Пастернак был "...живым и только, живым и только, до конца". Опять-таки Бердяев писал, что в писаниях Розанова было «... что-то расслабляющее и разлагающее...что-то противоположное всякому закалу души.» Мудрено ли было справиться с ним в эпоху, когда "закалялась сталь"?

И все-таки мудрено, и не только мудрено, но даже просто "не по зубам". Но об этом чуть позднее.

Творчество Розанова пронизано тенденцией чрезвычайно характерной для русского менталитета -стремлением к самообнажению. Здесь он вполне следовал Достоевскому, которого боготворил. Самообнажение это часто носило откровенно эротический характер. "Когда пишу, то часто держусь рукой за источник всякого вдохновения". Многие ли бы смогли признаться, да что там признаться - написать об этом? Эротика пронизывает мироощущение и творчество Розанова.

Апостол Иоанн учил: "Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей.

Ибо все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего".

Вот с этим Розанов, я думаю, никогда бы не мог согласиться: он любил мир и принимал похоть плоти и похоть очей как магический дар, исходящий от Бога.

Атеистом-то уж он не был во всяком случае."Я мог бы отказаться от даров, от литературы, от будущности своего я, от славы или известности....но от Бога я никогда бы не мог отказаться. Бог есть самое "теплое" для меня. С Богом мне "всего теплее". С Богом никогда не скучно и не холодно. В конце концов, Бог - моя жизнь".

Но Бог Розанова был не распятый Христос.

В « Апокалипсисе нашего времени » нет недостатка в язвительных высказываниях в адрес Бога-сына. "Христос на самом деле

невыносимо отяготил человеческую жизнь, усеяв ее "терниями и волчцами" колючек, чего-то рыхлого и несбыточного".

Зачем понадобился сын, когда в Отце уже была вся полнота и все сияние Творца, и вся интимность самого близкого друга сердца человеческого? Только затем, чтобы все запутать, обесплотить, запугать геенной огненной и скрежетом зубовым. "Люди более не посягают, не любят, не множатся. А все слушают Тебя, как эта бедная Мария"

"Апокалипсис нашего времени" - это гимн язычеству и юдаизму в противовес христианству. Бердяев вспоминает, что за месяц до смерти, в разгар коммунистической революции, Розанов, уже тяжело больной, шептал ему на ухо: "Я молюсь Богу, но не вашему, а Озирису, Озирису".

И этот же человек, не принимавший христианства, глумившийся над ним, писал: "Как пуст мой "бунт против Христианства ": мне надо было хорошо жить, и были даны для того (20 лет) замечательные условия. Но я всё испортил своими "сочинениями". Жалкий сочинитель, никому в сущности не нужный, - и поделом, что не нужный.....

Церковь есть единственное поэтическое, единственно глубокое на земле. Боже, какое безумие было, что лет 11 я делал все усилия, чтобы её разрушить.

И как хорошо, что не удалось"

Религиозное сознание Розанова было диаметрально противоположным религиозному сознанию таких мыслителей как Владимир Соловьёв и Сергей Булгаков. Им было всё ясно: только

примитивный и необразованный человек может сомневаться в существовании личного бессмертия, и в том, что единственная истинная религия – это Христианство, а Православие – её высшая ступень. Розанову всё было неясно. Для него, если я правильно его понимаю, религия была надеждой, упованием, состоянием души, которое никак не укладывалось в догматы Христианского канона.

И тем не менее, как следует из приведенных цитат, он любил Христианскую церковь, тяготел к ней, и даже сам Христос, которого он отвергал, притягивал его каким-то мистическим, чувственным, эротическим притяжением: "Об Иисусе сладчайшем и о горьких плодах мира" писал он.

Последние письма умирающего Розанова, продиктованные им его дочери Татьяне Васильевне полны Христианского смирения и всепрощения.

"Напиши всем литераторам.

Напиши, что больше всего чувствую, что холоден мир становится. И что они должны предупредить тот холод, что это должно быть главной их заботой.

Что ничего нет хуже разделения и злобы, и чтобы они всё друг другу забыли и перестали ссориться. Все литературные ссоры просто чепуха и злое наваждение.

Никогда не плачьте, всегда будьте светлы духом. Всегда помните Христа и Бога нашего."

И всё же, когда Татьяна Васильевна предложила умирающему, уже соборованному Розанову отказаться от таких его антихристианских

книг как "Тёмный лик" и "Люди лунного света", он не захотел это сделать, сказав, что в этих книгах есть что-то верное.

Таков был этот человек – бесконечно противоречивый и в то же время неизменно себе верный.

Влияние Розанова на мировую литературу было огромным. Алдос Хаксли, потрясённый его произведениями сделал названием своего романа парафраз Розановских "Опавших листьев" – "Those fallen lives" (Те опавшие листья). А разве не от Розанова пошли "Записки на манжетах", "Мысли врасплох" и многое другое.

Советской власти не надо было бороться с Розановым: она просто не удостоила его даже минимальным вниманием. Я хорошо помню как в учебниках литературы, по которым учился в 40е-50е годы, мелким шрифтом упоминались произведения реакционера Достоевского, которого Ленин соизволил назвать гением, хотя и больным. Но даже самого микроскопического шрифта не нашлось, чтобы упомянуть имя одного из самых крупных русских писателей.

Но и Розанов не боролся с Советской властью. Единственное антисоветское высказывание, которое я запомнил – это мельком брошенное в "Апокалипсисе" замечание, что у Ленина – несимпатичное лицо. Наверное, было и что-нибудь еще. Но разве же это борьба?

Но ему и не надо было бороться, ибо его стихией была вода, которая оплодотворяет жизнь, неумолимо зарождающуюся на рухнувших оковах власти и на руинах империй.
